

корыстно-сектантской религиозности или же, как считал А Л Бем, церковного официоза ³⁸ Ослепление человека религиозными вождями во имя господства над ним — одна из центральных идей образа Великого инквизитора ³⁹

³⁸ См Бем А Л Исследования Письма о литературе С 325

³⁹ См Розанов В В Легенда о великом инквизиторе Ф М Достоевского 3-е изд СПб, 1906 С 127, Долинин А С Зарождение главной идеи Великого инквизитора // Достоевский Однодневная газета Русского библиологического общества [Пгр], 1921 30 окт С 16—17 (перепечатано Долинин А С Достоевский и другие Статьи и исследования о русской классической литературе Л, 1988 С 99—100), Гроссман Л П Достоевский М, 1965 С 95—98, Аврамец И А Повесть «Хозяйка» и последующее творчество Достоевского С 81—89

Т Б ТРОФИМОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ПУШКИН

Литературные параллели в повести «Дядюшкин сон»

Анализируя ранние произведения Достоевского, исследователи, как правило, больше внимания обращают на гоголевскую составляющую текстов писателя, чем на пушкинскую Обращение к Пушкину было важной и необходимой потребностью писателя на протяжении всей его жизни Еще Л П Гроссман определил его отношение к поэту как «благоговейный культ», да и сам Достоевский не переставал повторять, что у нас «все от Пушкина»

Наличие пушкинских реминисценций и параллелей в повести «Дядюшкин сон» уже отмечалось литературоведами Так, А С Альтман считал, что гротескно-сатирический образ «дядюшки» своеобразно варьирует черты характера графа Нулина В работах А И Кирпичникова, В Я Кирпотина и других исследователей рассматривалось сходство сцены бала из восьмой главы «Евгения Онегина» со сценой бала в эпилоге повести, а в образе Мозглякова отмечались карикатурно воспроизведенные черты «провинциального Онегина» Е Николаева подчеркнула связь «Пиковой дамы» и повести Достоевского, анализируя темы сиротства и тиранства ¹

¹ Кирпичников А И Очерки по истории новой русской литературы М, 1903 Т 1 С 365, Кирпотин В Я Ф М Достоевский Творческий путь (1821—1859) М, 1960 С 511—512, Альтман М С Этюды по Достоевскому Двойники «дядюшки» М, 1965 С 494—495, Одиноков В Г «Сибирская повесть» Ф М Достоевского «Дядюшкин сон» // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири Новосибирск, 1980 С 24, Захаров В Н Система жанров Достоевского

Как нам кажется, через призму пушкинского творчества следует рассматривать и образ Зинаиды Москалевой. В приватном отзыве на новое произведение Достоевского А. Н. Плещеев писал: «Зиночка — лицо несимпатическое — и вообще что-то есть в ней сочиненное, ненатуральное».² Ее сходство с героиней «Евгения Онегина», на наш взгляд, не ограничивается только сценой бала. При чтении текста повести возникает целый ряд аллюзий, ориентированных на образ Татьяны Лариной. Обе героини — провинциальные барышни, отличающиеся от своего окружения естественностью поведения, искренностью чувств и романтическим мироощущением. Обе лишены кокетства и притворства. Достоевский не раз подчеркивает, что «Зинаида Афанасьевна (. .) была чрезвычайно романтического характера» (2, 386). Она — «мечтательница». Ее «мечтательство» вполне можно соотнести с «мечтательностью» Татьяны. Обе воспринимают жизнь через литературу. Татьяне «нравились романы; / Они ей заменяли всё; Она влюблялася в обманы / И Ричардсона и Руссо».³ Зинаида увлечена творчеством Шекспира. Возможно, как и героиня Пушкина, она находит в книгах «Свой тайный жар, свои мечты...». Обе героини в воображении создают свой «идеал» возлюбленного: для Татьяны — это Онегин, для Зинаиды — Василий. И та и другая любят «не шутя». Под воздействием охватившего их чувства, они пишут письма своим избранникам, нарушая правила приличия, принятые в обществе. И обе получают жизненный урок: Татьяна выслушивает проповедь Онегина, а Зинаида оказывается «героиней» сплетен и «темных слухов». Правда, в отличие от пушкинского героя, сохранившего свое благородство, Василий из ревности решает отомстить Зинаиде. Он совершает необдуманый поступок: предает ее письмо огласке. Созданные в воображении «идеалы» возлюбленных разрушаются в соприкосновении с реальностью.

Близость Зинаиды и Татьяны прослеживается и при сопоставлении их характеров. Пушкинская героиня «от небес одарена воображением мятежным, умом и волею живой и своенравной головой, / И сердцем пламенным и нежным» (П., 5, 64). «Гордый, порывистый и в высшей степени мечтательный характер Зины, — пишет Достоевский, — увлекал ее в эту минуту из среды всех приличий, требуемых действительностью» (2, 386). Счастье оказалось возможным, но неосуществимым. После известных событий, слу-

Л, 1985 С 68, Николаева Е Г «Литературность» в повести «Дядюшкин сон» // Молодая филология Сб науч трудов / Под ред Н Е Меднис, М А Лаппа Новосибирск, 2002 Вып 4 Ч 2 С 94—111, и др

² Достоевский Ф М Материалы и исследования / Под ред А С Долинина Л, 1935 С 326

³ Пушкин А С Полн собр соч В 17 т М, Л, 1937—1959 Т 5 С 48 Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с литерой «П», с указанием тома и страницы арабскими цифрами

чившихся в Мордасове, Зинаида, подчинившись воле матери, едет с ней в Москву («на ярмарку невест»), где ее выдадут замуж за князя, генерал-губернатора одного из городов Сибири. Как и Татьяна, Зинаида из романтической мечтательницы превращается в безупречную «законодательницу зал». Соотнесенность образа Зинаиды с образом пушкинской героини очевидна. Но, на наш взгляд, литературным прообразом героини Достоевского послужил не только «Татьяны милый идеал». Если связь с «Евгением Онегиным» явно прослеживается на поверхности текста, то связь повести с другой пушкинской поэмой почти не видна. Марья Александровна Москалева решает устроить судьбу своей дочери, выдав ее замуж за старого князя К., дядюшку, который волею судеб оказался в их доме. В своих страстных речах она упоминает имена Марии и Мазепы. Появление этих пушкинских персонажей в тексте Достоевского, по-видимому, не случайно. В. В. Виноградов, изучая творчество Пушкина, писал, что задача исследователя не сводится к тому, чтобы «констатировать литературный контакт: следует определить значение фразы (или мотива) на ее родине, в контексте первоисточника — и затем понять, как это значение применено или изменено в стиле Пушкина». ⁴ Такой подход правомерен и при анализе текстов Достоевского. «Полтава», опубликованная в 1829 г., не произвела впечатления ни на критиков, ни на друзей-современников. «„Полтава“ не имела успеха», — отмечал Пушкин Белинский же восторженно воспринимал образ Марии «Творческая кисть Пушкина нарисовала нам не один женский образ, но ничего лучше не создала она лица Марии». ⁵ Он противопоставлял ее Татьяне «Что перед нею эта препрославленная и столько восхищавшая всех и теперь еще многих восхищающая Татьяна». ⁶ «Белинский, — отмечал Г. М. Фридендер, — ощутил тесную внутреннюю связь между нравственной проблематикой „Евгения Онегина“ и „Полтавы“ Героини обеих этих поэм, хотя действие одной из них разворачивается в обстановке пушкинской современности, а другой на сто лет раньше, поставлены автором в сходные условия, в которых они выбирают полярно противоположные решения своей судьбы». ⁷ На первый взгляд важное место в тексте повести занимает тема неравного брака и параллель Мазепа—Мария, князь К.—Зинаида. Но, возможно, что Достоевского интересовал образ самой Марии, страстной и сильной женщины, придающей поэме «Полтава» трагический оттенок. Она, так же как и Татьяна, создает в своем воображении «идеал» возлюбленного. Характеризуя Мазепу, Пушкин отмечает такие свойства его

⁴ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 398.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953—1959. Т. 5. С. 325.

⁶ Там же. С. 326.

⁷ Фридендер Г. М. Пушкин Достоевский «Серебряный век». СПб., 1995. С. 287.

натуры, как коварство, злоба, жестокость, но Мария не видит этого, ослепленная своей страстью. После гибели отца и молодого казака Искры, любившего ее, она теряет рассудок. И только тогда происходит разделение реального и воображаемого образа: «Я принимала за другого / Тебя, старик. Оставь меня. / Твой взор насмешлив и ужасен. / Ты безобразен. Он прекрасен. / В его глазах блестит любовь. / В его речах такая нега! Его усы белее снега, / А на твоих засохла кровь!..» (П., 3, 234). И в этом случае идеал разрушается в соприкосновении с реальностью. Достоевский серьезно относился к введению «чужого» слова в текст произведений. Имя-цитата становится для писателя отсылкой в художественное пространство другого текста, в данном случае пушкинского. Как нам кажется, к образу Марии Кочубей восходит и описание внешности Зинаиды. Пушкин создает прелестный облик молодой девушки: «Она свежа, как внешний цвет, / Взлелеянный в тени дубравной. / Как тополь киевских высот, / Она стройна. Ее движенья / То лебеда пустынных вод / Напоминают плавный ход, / То лани быстрые стремленья. / Как пена грудь ее бела. / Вокруг высокого чела / Как тучи локоны чернеют, / Звездой блестят ее глаза; / Ее уста, как розы рдеют» (П., 3, 193—194). Зинаида Москалева «одна из тех женщин, которые производят всеобщее восторженное изумление, когда являются в обществе. Она хороша до невозможности: росту высокого, брюнетка, с чудными, почти совершенно чудными глазами, стройная с могучею дивною грудью. Ее плечи и руки — античные, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного бледна, но зато ее пухленькие алые губки, удивительно обрисованные, между которыми светятся, как нанизанный жемчуг, ровные маленькие зубы, будут вам три дня сниться во сне, если хоть раз на них взглянете» (2, 304). Марья Александровна, как и старый Кочубей, гордится красотой своей дочери. Перед читателем и в том и в другом случае возникает чувственная красота, которой так боялся Гоголь, связывая ее с «демонической» стороной женской природы, с ее inferнальностью, наделяя ею своих панночек-ведьм. Используя пушкинские образы, Достоевский оттеняет некоторые черты характера своей героини, раскрывает ее внутренний мир.

Соединяя в одном контексте образы Марии, Татьяны и Зинаиды, Достоевский полемизирует с Белинским. Именно в понимании образа Татьяны Достоевский отталкивался от концепции критика. Если Белинский считал, что «отношения, не освещаемые любовью, в высшей степени безнравственны», то Достоевский, наоборот, видел в предпочтении долга любви «нравственное разрешение этого вопроса». Он, как нам кажется, показывает два пути для Зинаиды: ее ждет судьба Татьяны или Марии. Для своей героини он избирает судьбу «женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи». Будучи «гениальным интерпретатором», Достоевский так использовал реминисценции или цитаты, что смысл цитируемого текста,

очевидный для автора, становился не всегда понятным читателю. Известно, что литературный прообраз может либо прямо упоминаться в тексте, либо существовать в художественной памяти писателя и присутствовать в конкретном тексте в виде ассоциативных признаков, важных для автора. Осознавая значимую роль художественной детали, Достоевский вводил в свой текст ключевые слова, слова-сигналы, благодаря которым происходит «расшифровка» отсылок к текстам других авторов. Часто эту функцию выполняют личные имена персонажей. Как отмечал П. Флоренский, литературному герою дается «по имени житие, а не имя по житию».⁸ Обращаясь к образу старого князя, Достоевский упоминает мумию, в портрете своей героини подчеркивает ее «античные плечи и руки» и королевскую поступь, дает ей имя Зинаида. Есть в тексте и мотив торга, возникающий в разговоре Зинаиды и Марьи Александровны. Отметим и число претендентов на руку и сердце Зинаиды Москалевой. Их трое: молодой учитель Василий, старый князь К. и Павел Александрович Мозгляков. Такие фразы, как «гости съезжались» в дом Марьи Александровны и «гости с визгом разъехались», а также и тот факт, что все действие происходит в комнате, которую Марья Александровна называет «салоном», дают нам право предположить, что образ Зинаиды спроецирован Достоевским еще на одну пушкинскую героиню — Зинаиду Вольскую. Возникает еще одно сцепление сюжетов, и обнаруживаются параллели с такими произведениями, как «Гости съезжались на дачу...», «Мы проводили вечер на даче у княгини Д.», «На углу маленькой площади...» и, наконец, «Египетские ночи». Достоевского, как и Пушкина, привлекал психологический тип женщины, похожий на египетскую царицу Клеопатру. Пушкина интересует судьба женщины, наделенной глубокой, страстной, искренней натурой, женщины, бросающей вызов светскому обществу и навлекающей на себя его холодное осуждение. Опираясь на образы, созданные поэтом, Достоевский стремился нарисовать картину современной жизни, показать судьбу женщины, выступившей против условностей светского общества. Его героиня унаследовала от своего литературного прообраза гордость, красоту, страстность и естественность поведения. Достоевский пытался раскрыть характер «русской Клеопатры» — Зинаиды Вольской в новом аспекте — в любви, но не в «высшем петербургском свете», а в провинциальном городе Мордасове. Это еще одна возможность жизненного пути для Зинаиды Москалевой. К этому вопросу Достоевский, как нам кажется, вернется в романе «Идиот», создав образ Настасьи Филипповны. Но акценты в повести расставлены иначе: намекнув на возможность такой судьбы для своей героини, Достоевский переориентирует судьбу Зинаиды на судьбу пушкинской Татьяны.

⁸ Флоренский П. Имена. М., 2006. С. 85.

Используя образные параллели и переклички с текстами Пушкина, Достоевский ставит в своей повести ряд проблем: соотношение счастья и долга, чувства и разума, восприятия и осмысления жизни через литературу, через подмену реального мира воображаемым. Образ Зинаиды Москалевой, на наш взгляд, вполне вписывается в ряд загадочных «красавиц-гордячек» Достоевского.

А А. ГОНСАЛЕС

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗМ ДОСТОЕВСКОГО

Образ «чужака» в «Записках из Мертвого дома»

Тема данного исследования возникла под влиянием идеи М. М. Бахтина из его знаменитой книги «Проблемы поэтики Достоевского»: «Сознание у Достоевского никогда не довлеет себе, но находится в напряженном отношении к другому сознанию. Каждое переживание, каждая мысль героя внутренне диалогичны, полемически окрашены, полны противоборства или, наоборот, открыты чужому наитию, во всяком случае, не сосредоточены просто на своем предмете, но сопровождаются вечной оглядкой на другого человека. Можно сказать, что Достоевский в художественной форме дает как бы социологию сознаний, правда, лишь в плоскости сосуществования. Но, несмотря на это, Достоевский, как художник, подымается до объективного видения жизни сознаний и форм их живого сосуществования и потому дает ценный материал для социолога».¹

Остановимся на этой мысли М. М. Бахтина. Он считает, что социология как наука может найти в творчестве Достоевского плодородную почву для своих теоретических исследований. Безусловно, можно понимать эти слова не иначе, как «приглашение» социологов к обсуждению вопросов, связанных с поэтикой художественного текста. Однако надо признать, что это «приглашение» вызывает целый ряд споров со стороны социологов, даже настоящую полемику.

Прежде всего возникает вопрос: какое же именно направление социологии может заинтересоваться творчеством Достоевского? Потому что, говоря о социологии, необходимо понимать, что такое социология как наука, что и как она изучает, какие методы использует, на какие явления обращает внимание. Данная статья не ставит цель разъяснить эту объемную тему, поэтому скажем только: тот способ

¹ М. М. Бахтин Проблемы поэтики Достоевского М, 1972 С. 40—41